

MAIN STREET

Коллекция «Дарк»

Ранее в серии MAIN STREET
ВЫШЛИ

Коллекция «АМЕТИСТ»

Дженнифер Арментроут. ОБСИДИАН
Дженнифер Арментроут. ОНИКС
Дженнифер Арментроут. ЖАРКИЙ ПОЦЕЛУЙ
Дженнифер Арментроут. ОПАЛ
Дженнифер Арментроут. ОТСЧЕТ
Эми Эвинг. ДРАГОЦЕННОСТЬ
Дженнифер Арментроут. ХОЛОДНЫЕ ОБЪЯТИЯ
Дженнифер Арментроут. ОТСТУПНИК

Коллекция «ДЕНИМ»

Катя Миллэй. ОКЕАН БЕЗМОЛВИЯ
Ава Деллайра. ПИСЬМО НА НЕБЕСА
Жасмин Варга. МОЕ СЕРДЦЕ И ДРУГИЕ ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ

Коллекция «СКАРЛЕТ»

Дженнифер Арментроут. ЖДУ ТЕБЯ
Моника Мерфи. ДЕВУШКА НА НЕДЕЛЮ
Саманта Тоул. БЕГСТВО К ЛЮБВИ
К.-А. Такер. ДЕСЯТЬ МАЛЕНЬКИХ ВДОХОВ
Пенелопа Дуглас. АГРЕССОР
Дженнифер Арментроут. БУДЬ СО МНОЙ

Коллекция «УЛЬТРАФИОЛЕТ»

Мэтт Хейг. ЭХОБОЙ
Александра Бракен. ТЕМНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ
Вероник Росси. ПОД НЕБОМ, КОТОРОГО НЕТ
Ромина Расселл. ЗОДИАК

Коллекция «ДАРК»

Дженнифер Арментроут. НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ
Кристина ЛОРЕН. СОВЕРШЕНСТВО

Коллекция «БУРГУНДИ»

Рэйчел Кейн. ПРИНЦ ТЕНЕЙ

ДЖУЛИЯ БЕРРИ

**ВСЯ ПРАВДА
ВО МНЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Julie Berry
ALL THE TRUTH THAT'S IN ME

Печатается с разрешения издательства Viking,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Оформление обложки *Е. Климовой*

Берри, Джулия.

Б51 Вся правда во мне: [роман] / Джулия Берри;
[пер. с англ. Е. Кононенко] — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2016. — 288 с. — (Серия MAIN STREET :
Коллекция «Дарк»)

ISBN 978-5-17-089429-1

Джудит живет в маленьком городке. Однажды она бесследно исчезает и возвращается два года спустя — изуродованная и немая. Семья и друзья отвернулись от нее. В родном городке она стала чем-то вроде призрака. Но когда в Розвуде снова начинаются нападения на людей, Джудит придется сделать выбор: хранить молчание или заговорить, даже если это навсегда изменит ее жизнь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-089429-1

© Julie Berry, 2013
© Е. Кононенко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Уста праведника источают мудрость,
а язык зловердный отсеется.*

Книга притчей Соломоновых 10:31

Мы приехали сюда на корабле, ты и я.

Я была младенцем и сидела у мамы на коленях, а ты — шепелявым кудрявым мальчишкой, игравшим у маминых ног все утомительное путешествие.

Глядя на нас, наши мамы так крепко подружились, что отцам ничего не оставалось, кроме как выбрать смежные земельные наделы под фермы в миле от города на западной окраине Росвелла, которые оказались куда меньше, чем могли бы быть.

Я помню, в детстве мама рассказывала мне истории о том путешествии. Теперь она никогда о нем не вспоминает.

Она говорила, что я всю дорогу смотрела на тебя широко раскрытыми глазами.

ПОСЛЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Ты не вернулся.

Весь вечер я просидела на иве в облаке комаров, испачкав все волосы в живице, и ждала, когда ты приедешь из города.

Я знала, что сегодня ты уехал в город. Я слышала, как ты спрашивал у мистера Джонсона разрешения зайти вечером. Наверное, тебе понадобилась его повозка.

И ты уехал. И все никак не возвращался. Наверное, они пригласили тебя поужинать. Или ты поехал другой дорогой.

Мама разозлилась и отругала меня за то, что я пропустила ужин и не сделала работу по дому. На плите меня ждала пустая кастрюля. Даррелл уже соскреб со стенок остатки еды, но мама все равно послала меня мыть кастрюлю в ручье.

Каким сверкающим бывает он днем и каким черным безлунной ночью.

Я нагнулась и попила воды прямо из ручья. Нужно же было хоть чем-то заполнить живот.

А вдруг, подумала я, наработавшись на сенокосе, перед сном ты тоже припал ртом к этому же потоку и выпил воды, которую я поцеловала. Как часто еще ребенком ты приходил к ручью вечерами, чтобы освежиться.

Интересно, оказавшись с тобой наедине в темноте, я бы чувствовала то, что и все девушки? У меня нет причин стыдиться того, что под платьем. Если бы ты знал это, то наверняка бы взглянул на меня снова, задумался, обратить на меня внимание или выбросить из головы.

Но ты не знал.

И никогда не узнаешь.

А мне запрещено говорить.

II

Сегодня утром, задолго до того как ты проснулся, я пряталась в зарослях за твоим домом. Мне пришлось спрятаться за деревом, чтобы ты не заметил меня, когда вышел.

Что-то заботило тебя сегодня. Ты шел быстрым шагом и бормотал себе под нос, как будто спешил начать задуманное.

Джип меня не заметил. Он крутился у твоих ног и время от времени терся о ботинок. Он уже наполовину ослеп, оглох и едва чуял запахи, но ты все равно продолжал держать его в доме. Старых друзей не предают.

Я еще долго наблюдала за твоим домом, но было пора возвращаться, иначе мама заметила бы мое отсутствие.

III

Даррелл знал. Как-то он застукал меня в лесу у твоего дома и пригрозил рассказать маме, если я не буду делать за него всю работу в курятнике и не стану приносить все ягоды и орехи, которые найду в лесу. Ненасытный рот моего братца можно заставить молчать, только непрерывно заполняя едой.

IV

Сегодня вечером взошла луна, и я вышла посмотреть, как она поднимается над верхушками деревьев. Какая же она молчаливая, эта луна.

Я вспомнила, как вечер за вечером она меня успокаивала. Какими черными становились ночи, когда она исчезала. Но она всегда возвращалась.

Она много лет была мне единственным другом. Она до сих пор приносит мне утешение.

V

Ты не такой, как она.
Что бы ни говорили другие.

VI

Папа часто шутил, что мое пение может заставить птичек слететь с деревьев. Любящие отцы часто говорят разные глупости, но мне так хотелось верить, что когда-нибудь моя песня привлечет ко мне тебя.

Ты всегда был для меня всем. Когда ты с другими мальчишками собирал в лесу орехи, твои шутки и смех казались мне лучшими. Я раздувалась от гордости, когда тебе удалось подстрелить из рогатки огромного индюка.

Помнишь, как я копала тебе червяков, когда тебе было двенадцать, а мне восемь?

Я встречала тебя у ручья с маленьким мешочком с землей с самыми толстыми червяками, которых мне удавалось накопать, пока я полола мамин огород. Ты называл меня «Птичка-невеличка». Это прозвище придумал папа. Только он звал меня так потому, что любил, а ты потому, что я была «девочкой — ловцом червей». Я до сих пор вспоминаю об этом с удовольствием.

Когда я сказала тебе, что вижу их даже под землей, ты сделал сальто с переворотом и притворился, что не слышишь, как я хлопаю в ладоши. Помнишь, как мы хохотали, когда ты шлепнулся на пятую точку.

Однажды ты оставил на моей иве целую корзину с яблоками. Я видела, как ты убегаешь.

И вот ты стал мужчиной, а я тем, что есть сейчас.

VII

Помнишь, как расчищали участок Олдрузов? Я никогда не забуду, хотя для тебя, вполне возможно, это был самый обыкновенный день.

Прошло четыре года. Мне исполнилось четырнадцать, я выросла.

Это был жаркий день позднего лета. Молодожены только что переехали в Росвелл из более северного Ньюкерка. Им захотелось завести хо-

зьяйство на востоке от города, там, где лес граничит с болотами. Клайд Олдруз вырубил много деревьев и попросил город помочь убрать бревна. У его молодой жены, Джоанны, вот-вот должен был родиться первенец. Ты наверняка помнишь, как все работали. Ты оставил свои пшеничные поля и, не разгибая спины, под палящим солнцем без усталости орудовал топором в компании с мужчинами, старшими мальчиками, запряженными в повозки быками.

Помнишь, чем тебя тогда накормили? И что ты сказал девушке, которая приготовила и подала тебе кукурузный пудинг?

Вообще-то хочется верить, что ты не запомнил этот злосчастный пудинг. Мне тоже хотелось бы о нем забыть. Я решила его приготовить только потому, что слышала, как ты говорил кому-то после церковной службы, что очень любишь есть его на ужин.

Пришла вся наша семья: мама, папа, Даррелл и я. Всю дорогу к городу папа что-то насвистывал, подгоняя Старого Бена, запряженного в телегу. Мама сидела рядом, качала головой и смеялась. Я крепко держала кукурузный пудинг, стоящий у меня на коленях.

Мама присоединилась к женщинам: они дружно шили приданое для малыша. Девушки сустились у стола. Мы очень нервничали, ведь это был первый раз, когда мы представляли свою стряпню всему городу.

Я нарезала груши вместе с Эбигейл Паулинг, и вдруг кто-то потянул меня в сторону.

— Ты умеешь хранить секреты? — прошептала Лотти Пратт мне в ухо.

— Конечно, умею, — ответила я. — А что?

Она отвела меня за груды бревен, которую успели сложить вспотевшие мужчины. Мария Джонсон и Юнис Робинсон сидели за столом и глазели на нас. Новое платье Марии было ярко-красного цвета с белыми фестонами по вырезу и черным кантом на рукавах и корсаже. А до этого, когда Мария находилась от нас вне зоны слышимости, малышка Элизабет Фрай сказала, что ее папа считает, что подобное платье может кого угодно ввергнуть в грех тщеславия. И вдобавок, как будто ей мало было одной красоты, пока остальные возились со своими пудингами и другой стряпней, она приготовила три золотисто-коричневых сливовых пирога.

У Лотти, на которой, с тех пор как умерла ее мать, лежала вся готовка, не было оснований бояться проиграть Марии. Ее пасхальные рулеты могли соперничать даже с выпечкой Гуди Праетт. Она притянула меня к себе и шепнула на ухо:

— У меня теперь есть парень.

Я отодвинулась, чтобы увидеть ее лицо. Это шутка? Но на щеках алел румянец, глаза блестя.

— Кто? — выдохнула я.

— Тс! Потом расскажу. Понаблюдай за мной сегодня вечером, сама догадаешься. Только поклянись, что никогда никому не расскажешь!

Моя бедная голова чуть не взорвалась от этой информации. Уголкем глаза я увидела, как ты закрепил цепь вокруг бревна и махнул Леону Картрайту, чтобы тот начал погонять упряжку.

— Что значит парень?

Лотти распирало от гордости.

— Он сказал, что женится на мне, — ответила она. — А еще он так меня целовал!

— Целовал! — ахнула я. Лотти прижала свой розовый пальчик к моим губам.

Ты обернулся, заметил, что мы шепчемся, и улыбнулся. Мне потребовалось сделать глубокий вдох.

От Лотти ничего не ускользнуло. Она приподняла брови. И в этот ужасный момент я вдруг осознала, что ее парнем вполне можешь быть ты.

— Лотти, это Лукас?

— А если да, то что? — хихикнула она.

Юнис с Марией уже смотрели на нас с явным неодобрением. Миссис Джонсон подошла к столу, и Мария показала взглядом на нас.

— Мне обязательно нужно знать, — взмолилась я.

— Тебе что, нравится Лукас?

Я изо всех сил старалась себя не выдать.

— Лотти, не дразнись, просто скажи: да или нет.

Тут нас накрыла тень, и мы увидели миссис Джонсон, сложившую руки на необъятной груди.

— Не лучше ли будет, девушки, если вы вернетесь к вашим прямым обязанностям?

Лотти как дождем смыло, а я смиренно заспешила обратно к столу.

— Славная девочка, — она похлопала меня по спине. — Девушки, я хочу, чтобы все было готово как можно скорее, вы же хотите продемонстрировать не только свои хорошенькие мордашки, но и собственноручно приготовленную вкусную еду.

Я изумленно уставилась на миссис Джонсон, но она лишь подмигнула мне в ответ. Зато ее дочь

Мария не стала проявлять по отношению ко мне такого же терпения.

— Живо за водой, — она протянула мне два больших оловянных кувшина. Никаких отговорок мне на ум не пришло, и я отправилась к новому колодцу, недавно открытому Клайдом.

Бросив ведро, я услышала всплеск. Убедившись, что оно полностью погрузилось, я всем весом налегла на колесо, чтобы вытянуть его обратно. Механизм оказался самым тугим из всех, с которыми мне приходилось сталкиваться, и каждый оборот колеса давался мне с огромным трудом.

— Давай помогу, — услышала я голос рядом, и чья-то рука перехватила у меня ворот колеса.

Это был ты.

Мне хотелось убежать, но кувшины нужно было наполнить, и как бы это выглядело, если бы я все бросила? Я никак не могла решиться отпустить деревянную ручку, а ты мне улыбнулся.

— Давай попробуем вместе, — сказал ты. Накрыв мои руки своими, ты стал вращать колесо. Мои руки без всякой пользы повторяли твои движения. Уверена, что мои щеки в этот момент стали красными как вишни. Ты ведь уже стал к тому времени настоящим мужчиной. Как же неожиданно это случилось.

Ты вытянул ведро и разлил воду по кувшинам, потом протянул мне кружку, привязанную к ручке ведра, и дал напиться ледяной воды. Улыбка на твоём угловатом мальчишеском лице стала ещё шире. От волнения у меня дрожали руки, и ты взял один из кувшинов и помог мне донести его до стола.

— Ты выросла, птичка-невеличка.

— Вот и мама говорит, — удалось мне выдать. — Ей пришлось сшить мне новое платье, старое стало мало.

Я чуть не умерла от стыда. Говорить о платьях с мужчиной, тем более что этот мужчина — ты!

Я судорожно придумывала, как мне выкрутиться из неловкого положения.

— Она ... заставила меня его расставить.

Он взглянул на мое платье, потом на меня.

— Ты здорово потрудилась.

Мы подошли к столу и поставили кувшины. Мария Джонсон увидела тебя и стала теребить завязки чепчика.

— Мистер Уайтинг, до обеда еще целый час, вам надо вернуться к работе, — сказала она. — А мы посмотрим, как вы нагуливаете аппетит.

Твой взгляд скользнул по смоляным кудрям, выбившимся из-под белого чепчика. Ты слегка приподнял шляпу, улыбнулся всем девушкам и удалился. Мария с Юнис, не отрываясь, смотрели тебе вслед. Я глубоко вздохнула и привалилась спиной к грубо вытесанной стене нового дома Олдрузов. Лотти поймала мой взгляд и улыбнулась, я с облегчением выдохнула.

Теперь я знала, что ее парень — не ты.

Это был последний раз, когда я с тобой разговаривала, последний раз, когда Лотти улыбалась.

VIII

На кленах появились первые красные листья. Утренний воздух был морозным.

Я видела на ветке ивы и наблюдала за деловито снующими бурундуками. Белка на верхней

ветке сердито зацокала на меня, демонстрируя зубы, и замерла, как будто в ожидании ответа.

Золотистые лучики солнца играли на бледных листьях. Во всех проявлениях этой осенней красоты я видела тебя.

Силой ты пошел в отца, но лицо было мамино, только более мужественное и загорелое.

Я помню ее. Она была такой красивой, что молоденькие девушки ей завидовали, такой утонченной, что это даже вызывало раздражение у старух. Такой одинокой, что поддалась искушению и ушла куда-то на запад с темно-волосым путешественником, остановившимся в вашем доме на постой. Пастор Фрай еще полгода после этого поминал в проповедях седьмую заповедь.

Священник тоже не мог отвести от нее глаз.

IX

Ты скучал по маме. Ее уход всего за одну ночь сделал тебя старше, оставив горькие складки на твоём лице.

Но был еще один человек, которому ее уход причинил еще большее горе. Этот человек стал главной трагедией твоей жизни.

X

Я никогда не воспринимала его как твоего отца. То есть я знала, что он им является, но никогда не верила. Никогда не замечала никаких кровных уз, связывающих вас. Я видела только безумие, которое душило его.